

18+

Юрий Зобнин

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

Юрий Зобнин

Сибирские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63373766

ISBN 9785005179753

Аннотация

Этот сборник рассказов создавался в течение многих лет. Рассказы основаны на реальных событиях, случившихся в Сибири в далеких теперь уже, двадцатых – шестидесятих годах двадцатого века. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

СТЕПНЫЕ ВОЛКИ	6
ИЮНЬ 1928 ГОДА	11
МОТЬКА	20
ГОРА	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сибирские рассказы

Юрий Зобнин

© Юрий Зобнин, 2020

ISBN 978-5-0051-7975-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора:

Этот сборник рассказов написан в течение многих лет. Рассказы основаны на реальных событиях, случившихся в Сибири, в далеких, теперь уже, двадцатых-шестидесятых годах двадцатого века.

В рассказе «Степные волки» повествуется о храброй девушке, которая, невзирая на смертельную опасность, все же смогла прийти, чтобы встретить своего любимого человека. Это было во время Гражданской войны на Алтае.

«Июнь 1928 года» – о страшной трагедии, произошедшей в одном из сел на Алтае, по рассказу сестры женщины, погибшей из-за чудовищной ошибки местного фельдшера.

«Мотыка» – рассказ председателя колхоза в Горном Алтае о гибели его собачки, которая спасла ему жизнь.

«Гора» – автор – очевидец трагической аварии в пятидесятых годах.

«Рыжий бык» – о детской шалости, приведшей к гибели человека.

Все остальные рассказы повествуют о жизни в сибирских селах, о разных судьбах людей.

СТЕПНЫЕ ВОЛКИ

Во время гражданской войны против Колчака в предгорьях Алтая воевали партизанские отряды, которые активно поддерживало местное население, оказывая им всяческую помощь: продуктами, хоть старенькой, но одежонкой, укрывающей в зимнюю стужу, сообщая о силе и нахождении неприятеля.

В одном из таких отрядов воевал Митька Кирсанов. Молодой, красивый, необыкновенно крепко сложенный парень из Николаевки. В Берёзовке, что в восьми километрах, жила его невеста Анна, тоже красивая, черноокая и стройная девушка, очень смелая и бойкая. В конце января Анна, узнав, что в Николаевке укрывается партизанский отряд, в котором воевал Митька, решила навестить своего возлюбленного. Несмотря на уговоры матери (отец как раз уехал в поле за сеном) пешком отправилась в Николаевку. Для молодой девушки восемь километров по проторенной санной дороге – не расстояние.

Вышла она уже часа в четыре днём. «Дойду за два часа. Успею, пока совсем не стемнеет» – думала она. Но когда вышла за село на дорогу, то засомневалась. «Может, вернуться?» Но как вспомнила Митьку, его вечно весёлые глаза, его улыбку, его тёмные волнистые волосы, его голос и теплоту его губ, то решительно зашагала вперёд без тени сомнения.

Вскоре, однако, потянуло ветерком, поползла лёгкая позёмка. Санную дорогу потихоньку стало затягивать. Идти стало труднее. Прошла она больше половины пути и не заметила, как стало быстро темнеть.

Впереди, слева от дороги, был заболоченный кустарник – «согра». До села, наверное, оставалось километра три, когда из «согры» показались штук восемь волков. Анна вначале думала – собаки, ведь до деревни было недалеко, но присмотревшись, с ужасом поняла: это волки. Звери, выйдя из «согры», остановились и ждали. Анна тоже остановилась.

«Всё, конец!» – вскрикнула она – «Звери голодные, ничего их не остановит!»

Но до деревни оставалось недалеко, уже слышен был отдалённый лай собак. Постояв, она решила: «Разорвут сволочи, значит такая моя судьба, а идти надо только вперёд, спасения ждать неоткуда».

Всю её сковал животный страх, и она заплакала, закричала на волков: «Сволочи, будьте вы прокляты!» – и пошла вперёд. Поравнявшись с ними, не поворачивая головы, увидела краем глаза, что волки – а они были примерно в двадцати шагах от неё, – не двигались с места. Пройдя ещё шагов тридцать, она оглянулась и сердце её замерло. Волки разделились на две группы и стали её окружать. Одна группа бежала слева и стала обходить полукругом, а вторая, несколько поотстав, забежала справа, также обгоняя Анну. Кольцо зверей почти сомкнулось вокруг девушки на расстоянии

не более десяти метров. Анна шла будто под конвоем волков, которые не выказывали пока агрессии, сопровождая её, не уменьшая и не увеличивая расстояния.

«Ну вот и смертушка моя пришла» – немея от ужаса подумала Анна. «И костей моих не найдут» – закричала и заплакала она навзрыд, смахивая руками непрекращающиеся слёзы.

Украдкой поглядывая на свой страшный конвой, она видела только светящиеся глаза зверей, их невозмутимость и какое-то не волчье равнодушие к человеку, но кольцо своё они не размыкали, а напротив, несколько даже ближе подошли к Анне. Впереди кольца волков – это было видно, что вожак – бежал здоровенный, по сравнению с другими, волчище.

В общем-то степные волки и в предгорьях Алтая почти ничем не отличаются от своих собратьев, обитающих в горах, в тайге и других уголках природы. Они примечательны тем, что свою добычу добывают ногами. Загоняют лосей, коз; лисицами тоже не брезгуют. Зайцами, если спугнут.

Отличаются они необыкновенной выносливостью, способностью преодолевать большие расстояния, чтобы загнать лося. Окраской они не отличаются от остальных своих сородичей, но в комплекции немного уступают. Это, видимо, связано с их способом охоты, где, опять же, бег, скорость, вечное движение.

Так, оцепенев от ужаса, непрерывно плача, шла Анна под

своим смертельным конвоем, когда уже были видны огоньки в деревне и уже ясно был слышен лай собак. Анна заметила прямо на дороге что-то чёрное, неподвижное. Она прошла ещё немного и разглядела развороченный труп лошади. Обойдя её, она увидела ещё один скелет. Только хвост и голова, да часть шкуры остались.

Анна заметила, что вожак вдруг повернул влево от дороги и все волки трусцой потянулись за ним. Она не верила своим глазам! Волки бросили свою жертву и неспеша подошли к какой-то чёрной груде метрах в пятнадцати от дороги. Оглянувшись, Анна различила, что это тоже были трупы лошадей. Их было несколько. Волки окружили этот зловещий бугор и с рычанием принялись рвать и злобно урчать, растаскивая по снегу кишки и мясо лошадей. На Анну они не обращали больше внимания. Ещё не веря своему спасению, она побежала, непрерывно оглядываясь и замирая от ужаса: «А что, если погонятся? Тогда уже наверняка смерть».

Уйдя довольно далеко, Анна побежала и бежала до деревни, уже веря в своё спасение.

Добежав до крайней избы, стала громко стучать в дверь. На стук вышел высокий, седой, пожилой мужик. Анна, не сказав ни слова, ввалилась в дом, упала на пол и тогда только поняла, что спаслась. Немного погодя, когда пришла в себя, она рассказала, что с ней случилось.

Иннокентий Петрович – так звали старика – сказал ей: «Это тебе повезло, милая, ведь вокруг деревни давно бро-

дит эта стая, а нынче были колчаковцы, примерно человек тридцать конных, так их партизаны здорово потрепали в километре от села и подстрелили их коней десять, вот волки и пируют. Наверное, уже коней пять-то сожрали, пошли доедать остальное. Вот тебя они и не тронули. Сытые они. Нажрались до отвала, а тебя сопровождали про запас. Тут они и наткнулись ещё на пищу, да и бросили тебя. А твой Митька здесь. Хвастается, что двух колчаковцев подстрелил. Он у Силантьевых, от моего через два дома. Отмечают свою маленькую победу. Их у нас, наверное, около сотни в деревне стоит. Иди, он там». Немного придя в себя, Анна пошла к Силантьевым.

«Всё же не суждено было мне сегодня умереть» – сказала Анна.

ИЮНЬ 1928 ГОДА

С десяток мужчин и толпа женщин возвращались с сельского кладбища. Только что они похоронили двухмесячного ребёнка: маленькую, крошечную девочку, только получившую имя Света. Болела она с самого рождения и до своей кончины – все два месяца. Её мать Мария Ивановна работала в начальной школе учительницей. Молодая, красивая и сильная женщина родила очень трудно, а после родов здоровье её резко пошатнулось. Она заметно похудела, появилась слабость во всём теле, стала жаловаться на головокружение.

Мужики шли впереди, у некоторых были в руках лопаты. Они негромко разговаривали. Позади них под руки шли Мария, её мать Секлетинья Николаевна и две сестры – Анна и Ника. Шли они молча до самого дома. Только подходя к дому Мария сказала своей матери, что у неё очень кружится голова и ноги совсем не держат. Мужики, войдя в ограду, расселись: кто на завалинку, кто на лавку, а кто на ступеньки крыльца. Они молча курили и ждали, когда их позовут помянуть малютку. Женщины же почти все прошли в дом помогать в поминках. Секлетинья Николаевна с Анной и Ниной увели Марию в дальнюю комнату и уложили на кровать. По лицу Марии было видно, что она очень ослабела – лицо было бледное, а губы чуть вздрагивали. Анна, вый-

дя на крыльцо, послала своего сына, восьмилетнего Стёпку, за фельдшером Игнатом Кузьмичом Ковалёвым. Он был в их селе недавно, с полгода. В городе закончил курсы медиков и его направили в деревню. Надо сказать, что авторитета в деревне как медик он не заработал и люди в основном обращались к бабкам, которые лечили по старинке – травами, наговорами. Для самогó же молодого Ковалёва за это время авторитетом стало пьянство. Вот и сегодня, придя на вызов в дом Ивана Григорьевича, он уже знал про поминки. Когда здоровался с мужиками, от него несло самогоном.

«Ну где больная?» – спросил он.

«Там, в доме» – ответил кто-то.

Ковалёв зашёл в дом, а один из мужиков сказал с усмешкой: «Этот вылечит со стаканом в руке».

Ковалёв, осмотрев больную, достал из своей медицинской сумки какой-то порошок, спросил полстакана воды и дал выпить микстуру больной.

«Вечером перед сном дайте ещё, организм ослаб, нервное перенапряжение. Дайте ей потом куриного бульона» – наказал он и вышел к мужикам на крыльцо. Вскоре позвали всех в дом на поминки.

После поминок мужики вышли на улицу, сели покурить, и вскоре один по одному разошлись по своим делам. Женщины, убрав со стола, перемыв посуду, тоже разошлись по домам. В доме остались только все свои. Анна с Ниной пошли в комнату к Марии, возле которой на стуле у кровати си-

дел её муж Григорий. Он после поминок дремал. Сёстры, подойдя к кровати Марии, удивились её перемене. Лицо уже не было бледным, а имело вид какой-то отрешённости, неживой строгости. Губы были плотно сжаты. Дыхания не было. Сёстры стали тормозить Марию, но она не подавала никаких признаков жизни. Григорий встал, наклонился к кровати и попытался приподнять Марию, чтобы посадить на кровать, но она была недвижима. Анна с Ниной закричали. В горнице, где были родные, все всполошились и ринулись в комнату. Григорий опустил голову Марии на подушку и заплакал. Её лицо всё так же было строгим, отрешённым, как будто она думала какую-то свою сокровенную думу. Секлетинья Николаевна упала на кровать, обняла дочь за голову и запричитала в голос. Вслед за ней женщины подняли такой крик, что было слышно далеко на улице. Побежали за фельдшером. Тот после поминок сидел в доме у Григорьевых, где он снимал комнату, со своим собутыльником, счетоводом Петром Клабуковым, и тихо о чём-то с ним спорил за бутылкой самогона. Ковалёв не сразу понял, что от него хотят, а когда понял, то взял свою сумку и пошёл к дому Ивана Григорьевича. Когда он вошёл в комнату, где лежала Мария, то там было битком народу. Он крикнул: «Выходите все; и откройте окно, надышали как в хлеву». Вышли все, кроме Григория, Секлетиньи Николаевны и Ивана Григорьевича. Фельдшер присел на стул и стал выслушивать Марию. Поднял ей веки, пощупал пульс. Он слегка покачивался на стуле, голова

его поворачивалась медленно, заторможено. Был он не в себе, но на вид этого не скажешь. Держался он крепко. Через несколько минут он сказал: «Я, Иван Григорьевич, ничего сделать не могу. Сердце. Она мертва, к несчастью». Мужики молча заплакали, а Секлетинья Николаевна снова запричитала. Выйдя в горницу к людям, Ковалёв сказал: «Всё конечно, сердце», и пошёл к себе на квартиру, где его всё ещё ждал Клабуков. Через некоторое время вышел Григорий: «Можете заходить». Все, кто был в горнице, пошли в комнату, где лежала Мария. Григорий пошёл к куму плотнику Семёну Семивёрстову заказать гроб.

В те годы в одном селе жили почти все родные, поэтому и сообщать-то некому было о смерти Марии. Когда в горницу вышел Иван Григорьевич, то там стояли его брат Николай и двоюродный брат Степан.

«Летнее время, мужики, надо завтра всё сделать, жара» – прошептал он. «Бабы сегодня обмоют, соберут как надо, а уже завтра...» – и он опять молча затрясся, сел на скамью и уронил свою седую голову на стол, закрывшись руками.

«Да, правда сказано, что беда не приходит одна» – тихо сказал Николай.

«Утащила Света за собой свою мамку».

Помолчали. Степан, вставая, сказал: «Иван, я запрягу Гнедка, поеду в Берёзовку, сообщу там родным, пусть придут.» Иван Григорьевич только махнул рукой. Уже к вечеру Марию обмыли, одели и положили на сдвинутые лав-

ки. Когда обмывали, то одна из старушек удивилась: «Я, бабы, впервые обмываю такое тело. Она как живая, глядите» – и она взяла руку Марии, согнула её и опустила. Рука Марии плавно опустилась на грудь.

«Она всё равно как спит» – добавила она.

«Да врач же был, сказал, что мёртвая, с сердцем что-то, не видно разве?» – возразила другая.

Привезли гроб, и Марию, убрав, положили в него. Вскоре пришла баба Фёкла читать молитву. Зажгли свечи. Уже в сумерки приехали родные из соседнего села. Вновь поднялся плач, слёзы, причитания. Утром мужики с лопатами пошли на кладбище копать могилу, теперь уже матери малютки Светы. Выкопав могилу рядом с могилой малютки, мужики сделали ещё подкоп сбоку, чтобы ставить гроб. Никола привёз доски для навеса над гробом. К полудню всё было готово.

Хоронить Марию собралась без малого вся деревня, школьники и родня из ближайших деревень. На кладбище произнёс речь школьный учитель Василий Петрович, старый, худощавый высокий человек, прошедший всю гражданскую войну. Выступили с речью и председатель сельсовета и молодая учительница. Родные попрощались с Марией, и гроб опустили в могилу, в подкоп, а сверху из досок соорудили навес. На могилу поставили временный деревянный крест, такой же, как на могиле Светы.

Постепенно люди стали расходиться с кладбища. Часть

мужиков и женщин пошла помянуть Марию, а часть отправилась по своим делам. Пора была сенокосная и каждый погожий день был дорог. И снова в ограде у Ивана Григорьевича былолюдно. Поминали Марию.

К вечеру люди стали расходиться. Надо было идти встречать с пастбища скотину. Остались только самые близкие. Мужики сидели в ограде, часто курили, негромко разговаривали. Женщины прибирались в доме.

Село было расположено на взгорке, а внизу бежала небольшая, но быстрая речка. В стороне от села росла берёзовая роща, где находилось сельское кладбище. Сельское стадо встречали за селом у крайних домов. Собирались здесь заранее, чтобы обсудить все деревенские новости, да и просто поговорить. Стадо пас наёмный пастух – деревенский Гришка Петух. Вообще-то он был Петухов Григорий Иванович, но так уж повелось, Петух да Петух, на что Григорий не обижался. Был он инвалид. Хромал на правую ногу, и когда шёл, то казалось, что он прыгает. Может поэтому к нему привязалось это прозвище.

Гришка был ещё не старый. У него были две страсти – игра на самодельной свирели и собаки. Играл он на этой своей дудке здорово. Только он заиграет рано утром, когда ещё туман не прошёл, а коровы уже начинают ломиться в ворота, мычать. Гришка ещё очень любил своих собак. Они у него были какие-то особенные, умные. Он мог спокойно спать на пастбище, постелив на траву полушубок, пока его соба-

ки зорко пасли коров. Только какая-то нацелится на посев пшеницы, тут же одна из собак её возвращает громким лаем на пастбище. Всё не могли понять, как они догадываются, что в полдень надо сгонять стадо к речке на водопой. А вот гоняли.

Стадо Гришка гонял мимо кладбища. Была у Григория одна самая любимая собака – Пальма. Умная собака. Она верховодила всеми тремя собаками, что были у Григория.

В тот вечер, когда похоронили Марию, Григорий прогонял стадо так же мимо кладбища. Некоторые коровы замедляли шаг, останавливались, чесали свои бока о деревянную, сломанную в некоторых местах ограду. Пальма с лаем кинулась, чтобы прогнать красную – с белым пятном на лбу – корову, но внезапно остановилась и дико завывала, повернув голову в сторону кладбища. Через мгновение она уже пролезла в ограду и кинулась к могиле Марии. Выла она страшно. Все остальные собаки, тоже воя, кинулись к могиле, у которой была Пальма. Все собаки, подняв головы и воя, рыли лапами могилу Марии.

Григорий, поняв неладное, стеганул коня и понёсся в деревню к дому Ивана Григорьевича. Людям, что на взгорке у крайней избы ждали коров, он крикнул: «Сами разбирайте коров!»

Когда подскакал к дому Ивана Григорьевича, то увидел в ограде сидящих мужиков, а с ними хозяина. Он, не слезая с лошади, крикнул: «Иван, там у Марии на могиле мои со-

баки руют и дуром воют, неладное что-то, давайте мужики быстрее!»

Возле дома стояла запряженная лошадь родных, которые собирались ехать домой. Мужики, ещё не совсем поняв в чём дело, схватили лопаты и побежали к запряжённой лошади. Одна из женщин, что стояла на крыльце, кинулась в дом, крича: «Что-то там на кладбище, беда какая-то!». Все женщины, что были в доме, выбежали на улицу и побежали в сторону кладбища.

Когда мужики подъехали к кладбищу, то увидели, что собаки вырыли могилу настолько, что пал крест. Похватав лопаты, стали быстро откапывать могилу. Быстро откопали до настила. Кое-как лопатами отдёрнули доски и вытащили из-под подкопа гроб. Долго не могли лопатами вскрыть прибитую гвоздями крышку гроба. Но вот наконец оторвали крышку и подняли её.

Сначала ужас сковал всех, а затем раздался душераздирающий крик. Это кричал отец Марии Иван Григорьевич, который стоял у края могилы.

Страшное зрелище предстало перед глазами людей. В гробу лежала Мария на боку, подтянув под живот ноги. Она была вся в крови. Лицо исцарапано, ногти на руках поломаны, колени все в крови. Белое покрывало, что закрывало её тело, было смято и лежало в ногах. Когда перевернули уже теперь мёртвое тело, то увидели в левом углу рта запекшуюся струйку крови. Все пальцы на руках были в крови, подушка,

что ей подкладывали под голову в гробу, тоже была залита кровью.

Подбежали женщины и подняли невообразимый плач. Гроб с телом Марии вытащили наверх. Весь о случившемся мгновенно облетела всю деревню. Приехали председатель сельсовета и местный милиционер.

Участковый, осмотрев труп Марии, составил протокол и приказал везти её в поселковую больницу на станцию на судмедэкспертизу, туда же он отправил и арестованного фельдшера Ковалёва.

Сколько лет жизни отняла смерть Марии родителям знает только время, которое, как говорят, заживляет душевные раны. Но такое горе – похоронить заживо собственное дитя – залечить никаким временем невозможно.

МОТЬКА

Уже вечерело, когда Егор Степанович Кислов, председатель одном из таёжных колхозов, возвращался с дальней пасеки в горах. Тамошний пасечник Игнатъич давно жаловался на нехватку ульев, и Кислов ездил на пасеку, чтобы сказать, что ульи привезут к концу недели. Обрадованный Игнатъич налил туюсок мёда, угостил председателя на славу. Была и несравненная медовуха. Егор был в хорошем настроении. Дела в колхозе пока шли неплохо. Почти в каждую поездку, будь то на ферму, на выпаса или пасеку, он всегда брал свою любимицу – собаку Мотьку, маленькую, чёрную как уголь, похожую на таксу. Это была верткая, умная собачонка. Иногда она выпрыгивала из ходка и бежала рядом с конём, а иногда и впереди коня, успевая при этом обнюхивать кустарники, лая на ей только известную живность. И на этот раз она бежала впереди лошади, оказавшись довольно далеко впереди. Все дороги она изучила уже давно. Егор слегка дремал в ходке.

Бурая, с черна, слегка горбатая, огромная медведица, оставив под широкой пихтой двух своих маленьких медвежат «пестунов», спустилась напиться вниз, где журчал горный ручей.

Медвежата катались под деревом, играли. То один нападал на другого, ударяя лапой, то другой валил своего собра-

та, как вдруг они услышали собачий лай, которого им никогда ранее слышать не доводилось. Медвежата в испуге прижались друг к другу. Мотька – а это была она – подбежала к медвежатам и залилась таким звонким и злобным лаем, что Егор Степанович насторожился, привстал в ходке и стал смотреть через голову коня вперёд. Конь начал беспокоиться, тревожно фыркать и коситься в сторону журчащего внизу ручья.

Когда подъехал ходок к тому месту, где лютовала Мотька, Егор разглядел под пихтой двух маленьких медвежат, прижавшихся друг к другу и трясущихся от страха. Егор придержал коня. Конь проявлял беспокойство, которого Егор до этого за ним никогда не замечал. Не выпуская длинных вожжей из рук, он выпрыгнул с ходка и подошёл к медвежатам. Они прижались к стволу пихты и жалобно рычали. Егор Степанович присел на корточки и потянулся рукой, чтобы погладить медвежат, но Мотька, отбежав в сторону, залилась ещё более злобным лаем позади ходка, а конь тревожно заржал, стал бить копытами о землю, натянув, как струна, вожжи в руках у Егора так, что он невольно оглянулся и встал, как вкопанный: не мог ни двинуться с места, ни пошевелиться.

На него, метрах в десяти, шла огромная горбатая медведица. Егор Степанович, как загипнотизированный, смотрел на зверя, который почему-то встал на дыбы и страшно зарычал. А Мотька, всё заливаясь злобным лаем, сначала крути-

лась возле медведицы, а затем стала кидаться на неё, пытаясь укусить. Медведица отмахивалась лапой от собаки, но Мотылька всё же умудрилась тяпнуть её за заднюю лапу, и медведица резко повернулась к собачонке. Это было мгновение, но этого хватило Егору, чтобы запрыгнуть в ходок, и конь, который всё ржал и вставал на дыбы, вихрем понёс по ухабам и кочкам подальше от разъярённого зверя.

Уже будучи далеко от этого места, Егор услышал отдалённый, предсмертный визг Мотыльки.

Больше он своей любимой собачки не видел. Мотылька погибла, спасая жизнь своему хозяину.

ГОРА

Ранним летним утром четыре женщины стояли на окраине села Николаевка и ждали попутную машину или грузотакси до райцентра. Была суббота и все они собрались на базар в райцентр. Возле них стояли бидоны и берёзовые туески, в которых были продукты: сливочное масло, творог, сметана, разные соленья: всё домашнее, всё собственного приготовления.

Ждать пришлось долго, но вот они услышали шум мотора и вскоре из-за поворота показалась машина. К разочарованию женщин – бензовоз «ГАЗ-51», и в кабине уже была пассажирка. Они даже и не подняли руки, чтобы машина остановилась. Но неожиданно она остановилась и, хлопнув дверцей, из кабины вылез шофёр. Они его знали. Это был Семён Шмаков, их земляк из Николаевки, который работал в городе, что в ста километрах от Николаевки на автобазе и часто заезжал к своей родне в их село. Вот и сегодня он заехал к родным рано утром. В кабине сидела его жена Алевтина. Она тоже была из Николаевки и ехала вместе с мужем в Райцентр, повидать свою сестру – жену местного милиционера.

Когда к женщинам подошёл Семён, то было видно, что он был под «хмельком».

«Что, бабы, ехать собрались?» – у него, видно, было весёлое настроение.

«Да вот ждём попутку, Сеня» – сказала одна из них.

«А что ждать, влезайте на бочку, места там хватит, вон какие поручни, даже лесенка есть; поеду аккуратно, не бойтесь, а до райцентра на бутылку сброситесь и весь расчёт. Влезайте».

Женщины некоторое время молчали, а одна из них, самая молодая – Мария, вдруг сказала: «А что, бабы, может, правда поедем, а то сколько уже стоим!»

Но самая пожилая – Степановна – возразила: «Семён, ты же пьян, как Гору-то проедем? Вон какая страсть: пропасти, повороты, а дорога какая узкая!»

«Я эту Гору сотни раз проехал и ещё проеду, хоть глаза завяжи мне. Залазьте, кто хочет, и через час будете в райцентре, а не хотите, так я поехал» – и он направился к машине.

«Постой, Семён, уже сразу и психанул!» – сказала Мария, поднимая большой бидон, туесок и хозяйственную сумку. За ней пошли к машине Анна и Надя, тоже со своей поклажей. Немного постояв и старая Степановна, тяжело вздохнув, забрала свою ношу и тоже пошла к машине.

Семён стал помогать им забраться на цистерну, подал им бидоны, туески, сумки. Женщины сели на цистерну и стали привязывать свою ношу полотенцами к верхним поручням цистерны. На цистерне было два ряда поручней: верхний, за который женщины держались, и нижний, в который упирались ногами.

Когда Семён сел в кабину, его жена Алевтина стала его

ругать: «Ты с ума сошёл? Что ты делаешь? Ведь не дай бог кто-то из них сорвётся, будет тебе на пироги тогда, чёртов козёл, за бутылку готов на себе их тащить!»

«Ничего, потихоньку довезу, мне торопиться некуда, солью на нефтебазе бензин, заедем к шурина, погостим немного и домой, можно даже ночевать у них, а завтра рано утром поедем назад».

А впереди была Гора.

Село Николаевка лежит у подножья гор на берегу реки. Это довольно большое, старое поселение, дома которой тянутся вдоль реки, то удаляясь от неё, то подбегая к самому берегу. Через главную улицу пролегает дорога в курортное место, где располагается дом отдыха. Село всё утопает в хвойных деревьях, которые создают уютную, но в то же время какую-то мрачноватую картину. Вообще-то красиво. Дорога от села идёт к другому селу – Сосновке, что на пути к райцентру через Гору. Эта часть горной дороги считается самым опасным участком, где крутые повороты под таким углом, что, кажется, и повернуть машину нет возможности. Дорога приткнулась к отвесным скалам, где далеко внизу у подножья бьётся своими водами река.

Красивые горы, но много жизней они забрали в те уже далёкие пятидесятые годы прошлого века. Когда поехали, женщины стали громко переговариваться, чтобы скрыть свои опасения. Всё же они здорово боялись. Но ехать надо, продукты пропадут, если вовремя не продать.

Вот и Гора.

Подъём в Гору затяжной, но не крутой. Но вот начинаются повороты, спуски, подъёмы. Повороты такие, что если едешь со стороны Николаевки, то жаться надо как можно правее к краю дороги, где пропасть, обрывы, опасаясь встречной машины. Уже проехали половину пути. Вот крутой поворот, где слева скала, а справа пологий склон, уходящий в ложбину, поросшую пихтами, берёзами.

Женщины не сразу сообразили, как бензовоз стал медленно наклоняться в ложбину и переворачиваться. Мария и Надя, сидевшие на конце цистерны, в последний момент прыгнули назад, а Степановна сидела у края горловины цистерны, замешкалась и её накрыло цистерной, но не придавило, а зажало ей левую руку поручнем и она оказалась под цистерной у горловины. Самое страшное случилось с Анной. На свою беду она села у кабины на цистерну и упёрлась ногами в крепление запасного колеса между кабиной и цистерной. Когда наклонился бензовоз, то она хотела прыгнуть, но правая нога застряла в запаске и она успела только прижаться вниз к кабине, а её нога под тяжестью цистерны переломилась в колене, обнажив наружу коленную чашечку с жилами и рваной кожей. Она страшно закричала, когда её и Степановну накрыла машина.

Степановна, оказавшись под самой цистерной и почувствовав боль в руке, стала кричать, ужасаясь, что бочка вот-вот её раздавит. К её несчастью из горловины стал капать ей

на голову бензин, а она не могла даже пошевелиться.

А бензин всё капал и капал, попадая ей на голову и стекая дальше на лицо и грудь.

В первое мгновение две спрыгнувшие с цистерны женщины оцепенели от криков и увиденного.

Бензовоз не покатился боком вниз в ложбину, а упёрся в две большие берёзы и пихту, что росли на склоне. Он перевернулся вверх колёсами на цистерну. Через минуту дверь кабины перевернутого бензовоза открылась и оттуда вывалился Семён Шмаков. У него была окровавлена голова. С другой стороны через уже открытую дверь кабины стоная и охая вылезала его жена Алевтина. Мария и Надя помогли им выбраться на дорогу. Семёна развезло. Он был почти пьян. От крика женщин некуда было деться. Они страшно кричали. Семён стал материться, полез в кабину и, вытащив выпавший из-под сиденья топор, кинулся к женщинам, размахивая им.

«Я вас, счас, блядей, всех порешу, скину в пропасть, никто вас не найдёт там, падлы, навязались на меня!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.